

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

СТАРАЯ ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА. ЧАСТЬ 2

Старая записная книжка

Петр Вяземский

Старая записная книжка. Часть 2

«Public Domain»

1852

Вяземский П. А.

Старая записная книжка. Часть 2 / П. А. Вяземский — «Public Domain», 1852 — (Старая записная книжка)

«Милостивый государь! Я давно был терзаем желанием играть какую-нибудь роль в области словесности, и тысячу ночей просиживал, не закрывая глаз, с пером в руках, с желанием писать и в ожидании мыслей. Утро заставало меня с пером в руках, с желанием писать. Я ложился на кровать, чтобы успокоить кровь, волнуемую во мне от бессонницы, и, начиная засыпать, мерещились мне мысли. Я кидался с постели, впросонках бросался на перо и, говоря пиитическим языком, отрясая сон с своих ресниц, отрясал с ним и мысли свои, и опять оставался с прежним недостатком...»

Содержание

Книжка 1. (1813–1819)	7
Книжка 2. (1813–1855)	11
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Петр Вяземский

Старая записная книжка. Часть 2

Предисловие издателя Собрания сочинений П.А. Вяземского в 12-ти томах. СПб. 1878-1896:

IX том собрания сочинений, составляющий книжки 1-14 за 1813-1852 годы

В настоящем IX томе *Полного Собрания Сочинений князя П.А. Вяземского* начинается печатание доселе еще неизданных записных его книжек, коих в Остафьевском архиве сохранилось числом тридцать семь. Этот род своих произведений князь Вяземский назвал *Старой Записной Книжкой* и под заглавием «Выдержек» из нее печатал в *Московском Телеграфе* Полевого, в *Северных Цветах* барона Дельвига и в изданиях П.И. Бартенева *Русском Архиве* и *Девятнадцатом Веке*. Все напечатанное в этих изданиях вошло в VIII том *Полного Собрания Сочинений*.

Князь Вяземский не писал своих мемуаров методически, не вел аккуратно своих дневников; но то и другое заменяли у него письма и издаваемые ныне записные книжки. По внесенным в них первым записям они располагаются в следующем хронологическом порядке:

- Книжка 1-я (1813-1817).
- Книжка 2-я (1813, сюда вошли и позднейшие записи).
- Книжка 3-я (1818-1828).
- Книжка 4-я (1823).
- Книжка 5-я (1825-1827).
- Книжка 6-я (1828-1833).
- Книжка 7-я (1829).
- Книжка 8-я (1829-1830).
- Книжка 9-я (1832).
- Книжка 10-я (1834-1835).
- Книжка 11-я (1838, в двух частях).
- Книжка 12-я (1838, 1840, 1843).
- Книжка 13-я (1849-1851).
- Книжка 14-я (1850, 1852, 1861).

В X том войдут:

- Книжка 15-я (1853).
- Книжка 16-я (1853).
- Книжка 17-я (1853).
- Книжка 18-я (1853, 1854, 1856).
- Книжка 19-я (1854).
- Книжка 20-я (1854-1855).
- Книжка 21-я (1854-1856).
- Книжка 22-я (1855).
- Книжка 23-я (1857).
- Книжка 24-я (1858).
- Книжка 25-я (1858-1859).
- Книжка 26-я (1859-1860).
- Книжка 27-я (1859-1861).

Книжка 28-я (1863-1864).

Книжка 29-я (1864 и последовавших годов).

Книжка 30-я (1864 – 1865, в двух частях).

Книжка 31-я (1869).

Книжка 32-я (1875-1877).

На переплете последней книжки рукой автора написано: *Не раскрывать до моей смерти.*

Нужно при этом заметить, что некоторыми из старых книжек князь Вяземский пользовался для внесения в них новых записей.

Многому из этих записных книжек еще не наступило время для обнародования, и это *многое* послужит со временем одним из важнейших источников не только для биографии князя Вяземского, но и для истории русского общества и русского просвещения.

В своем Послании к ее величеству королеве Виртембергской Ольге Николаевне князь Вяземский сам определяет значение и содержание своей Старой Записной Книжки:

...Годов и поколений много,
Я пережить уже успел,
И длинную своей дорогой
Событий много подсмотрел.

Талантов нет во мне излишка,
Не корчу важного лица;
Я просто *Записная Книжка*,
Где жизнь играет роль писца.

Тут всякой всячины не мало
С бездельем дело, грусть и смех,
То похвала, то шутки жало,
Здесь неудача, там успех.

Вы с ласковым долготерпеньем,
С обычной прелестью своей,
Внимали разным откровеньям
Болтливой памяти моей.

Все перед Вами развивалось
Событья, люди, все что мог
Собрать я, все что записалось
В мой Календарь и Каталог.

6 января 1884 г. С.-Петербург.

Книжка 1. (1813–1819)

Милостивый государь! Я давно был терзаем желанием играть какую-нибудь роль в области словесности, и тысячу ночей просиживал, не закрывая глаз, с пером в руках, с желанием писать и в ожидании мыслей. Утро заставало меня с пером в руках, с желанием писать.

Я ложился на кровать, чтобы успокоить кровь, волнуемую во мне от бессонницы, и, начиная засыпать, мерещились мне мысли. Я кидался с постели, впросонках бросался на перо и, говоря пиитическим языком, отрясая сон с своих ресниц, отрясал с ним и мысли свои, и опять оставался с прежним недостатком.

В унынии я уже прощался с надеждой сказать о себе некогда хоть пару слов типографий, прощался с надеждой получить некогда право гражданства в сей желанной области и говорил: журналы! вестники! Мне навсегда закрыты к вам пути! Я умру, и мое имя останется напечатанным на одних визитных билетах, которые я развозил всегда прилежно, потому что с молодости моей я был палим благородной страстью напоминать о себе вселенной!

Наконец, последняя книжка *Вестника Европы* под № 22 оживила меня и озарила мрак моего сердца. Напечатанный в сей книжке приказ графа Пушкина в свои вотчины был для меня зарей надежды и удовольствия. Мне открылась возможность приносить иногда жертвы на алтаре журналов: ибо я имею маленькую деревеньку в Оренбургской губернии и на каждой неделе посылаю по два приказа к моему старосте, над которыми, признаюсь вам чистосердечно, я мстил упрямым мыслям и удовлетворял необоримому желанию чернить белую бумагу.

Я смею надеяться, милостивый государь, что приказ, писанный простым дворянином к скромному старосте, управляющему 150 душами, не потеряет цены в ваших беспристрастных глазах и будет вами принят наравне с повелением вельможи к тучному управителю, повелевающему несколькими тысячами душ.

Кто-то сказал, что когда афиняне строили флоты, Диоген ворочал своею бочкою. Не отриньте моего приношения, дайте мне место в *Вестнике*, и я тогда с восторгом благодарности, счастливее самого Диогена, воскликну: *я нашел человека!*

Приказ Семену Гаврилову

Я получил твою отписку и ведомости о доходах и расходах на август и сентябрь. Радуюсь, что твой слог становится яснее и приятнее, и что ты начинаешь знать, где ставится с и е. Это не безделица; я здесь знаю одного сенатора и стихотворца, которого последнюю оду прислал я к тебе с тем, чтобы ты прочел ее перед миром, и который с удивительным своим дарованием грешит всегда против сих букв.

Но зато недоволен я твоими расходами; они всегда велики, а доходы по соразмерности всегда малы. Семен Гаврилович! Это стоит с, пекись о нем, но пекись и о доходах. Помни мое наставление: соедини полезное с приятным. Притом же буква с гораздо милее в доходах, чем в расходах.

Еще одно слово: твой слог всегда шероховат; а сколько раз сказывал я тебе не брать себе в пример Шихматова. Вели мелом написать на дверях приказной избы:

Смотри, чтоб гласная спеша не спотыкнулась,
И с гласного другой в дороге не столкнулась!
Ты мягкие слова искусно выбирай,
А от сиянья злых как можно убегай.

И всякий раз, что возьмешь перо в пальцы, прочитывай три раза эти прекрасные строки, находящиеся в *Науке о Стихотворстве*, сочиненной Буало Дебрео, и которую по дружбе своей к нему граф Дмитрий Хвостов сделал одолжение перевести с французского.

В прочем я здоров, но только немного простудился на днях в Беседе. Надеюсь скоро что-нибудь сочинить, и вы своего барина увидите печатанного, и тогда обещаю вам снять с вас оброк на два месяца, а если напишется много, то и на три. Молитесь Богу о том; вы, верно, не усердные воссылаете молитвы, потому что вот уже шестой год как я собираюсь сочинять и ничего еще не насочинил. Но я не теряю надежды и жду помощи от Бога. Сенатор Захаров до старости не писывал стихов, а теперь вдруг написал оду, из которой можно сделать по крайней мере шесть.

Высылай скорее денег, я должен книгопродавцу 100 рублей и он мне отдыха не дает. Ты знаешь, как я люблю и уважаю книгопродавцев. Страшись моей к ним любви.

* * *

Из второго света

(Мое письмо к Тормасову, на маскараде, данном Прасковьей Юрьевной Кологривовой, в Москве)

Так как у нас календари не в употреблении, то не означаю ни числа, ни года.

От великого князя Георгия Владимировича, первопрестольные столицы градоначальнику графу Александру Петровичу Тормасову Грамота:

До меня дошло известие, что благополучно царствующий ныне потомок наш тебе вверил управление любезного сердцу моего города. Поздравляю и тебя с честью начальствовать в городе, освященном знаменитыми происшествиями, искупившем несколько раз погибающее отечество и жителей его, которыми предводительствует вождь, поседевший под знаменами победы.

Построивши на берегах Москвы и Неглинной несколько деревянных лачуг, не думал я, что городок мой возрастет до высшей степени величия, на котором красуется теперь Москва, и станет наряду с богатейшими столицами света. Так, слава российского оружия, осветивши при начале своем соседние края, в участливые дни вашего столетия озарила отдаленнейшие земли и горит в глазах света незаходящим солнцем. С радостью услышали мы, что ревностное усердие твое восстановить город, на который обрушился жестокий и сильный неприятель, венчается успехом и что уже едва приметны следы пламенной войны.

Спасибо тебе за это! Москву надобно поддерживать и обогащать. Свое худо хвалить; но назло брату нашему Петру скажу откровенно, что законная столица России – Москва. Мы здесь с ним, на досуге, часто спорим об этом. В душе своей он, может быть, и раскаивается, что затеял золотом осушить болото; но смерть не отбивает упрямства, и он никак не соглашается со мной. Дело сделано. Дай Бог цвести в красоте и славе Петрограду (воля ваша, мы здесь старые русаки, не можем приучиться русский город называть немецким именем); но дай Бог здоровье и матушке Москве!

Признаюсь тебе в малодушии своем: охотно бы оставил я на некоторое время блаженное спокойствие, которым мы наслаждаемся, чтобы прийти поглядеть на свой городок, который, вероятно, не признал бы меня, так как и я узнал бы его по одним догадкам или предчувствиям родительского сердца. Охотно бы согласился, платя дань времени, нарядиться в кургузое ваше платье, хотя бы и не пришло оно ко мне к лицу и, переменяя ночь на день, на масленице поглядеть на ваши игрища и полюбоваться красавицами и уважением, которым награждаются твои достоинства.

Сплетники нашего мира, потому что они и здесь завелись от вас, сказывали нам, что звание московского начальника недолговечное и что место это шаткое; но мы надеемся, что ты опровергнешь своим примером дурное обыкновение и увековечишь себя на этой степени так, что и после тебя будут прозывать хорошего начальника Москвы другим Тормасовым.

Бью челом и желаю тебе здоровья и хорошего продолжения хорошего начала.

* * *

И. И. Дмитриеву

Именем Лафонтена и всей шайки избранных писателей, отпущенных на упокой, делаю вам строгие укоризны за то, что вы покинули наше ремесло, которое поддерживалось вами в России.

Когда важнейшие занятия оспаривали право на ваше время и отечество требовало от вас иных услуг – мы молчали. Но теперь, когда отдых заменил деятельную и полезную жизнь, с горем и негодованием видим в вас неверного брата. Удовлетворите скорее справедливому требованию нашему и примите жезл владычества, похищенный в междуцарствие лжецарями.

По старшинству лет ваш учитель, а по старшинству дарований ученик – Хемницер. Поля Елисейские.

* * *

Письмо (При посылке басен)

Покойный батюшка, учитель в здешней народной школе, писал стихи, но не отдавал их в печать потому, что несмотря на благодетельные следы отечественного просвещения, из российских городов не более десяти пользуются типографиями, а наш принадлежит к тому числу, который довольствуется читать еще по рукописям. Не худо, мне кажется, было бы выслать к нам из столиц отчаяннейших мучителей печати; пускай бы они здесь посидели на рукописном прокормлении, авось отстали бы от охоты прибирать слова к словам.

Но дело не о том, любимый род батюшки были притчи. Он часто говаривал: кто что ни сказывай, а скотов легче заставить говорить, чем людей. По крайней мере, не взыщут, если за них проврешься.

Притчи его, переписанные за несколько дней до кончины, были приумножены посвящением, но к кому, не знаю. Признаюсь в своем невежестве, я не батюшкин сын: он смотрел всегда в книги или на бумагу, матушка за учениками, которые были поболее ростом, а я за гусями, которыми город наш гораздо богаче, чем людьми. Оттого родитель мой мне никогда и не сказывал о своих упражнениях, и я никогда и не спрашивал о них.

Однако же в завещании родительском нашел его желание, чтобы все бумаги были пересланы в Петербург.

Один проезжающий сказывал мне на днях, что недавно учрежден комитет опекунов о арзамасских гусях наподобие того, который учрежден о жидах. Сему радостному известию обязан я сыновним удовольствием исполнить последнюю волю покойного родителя и просить вас принять под свое покровительство притчи, единоплеменные гусям, с которыми совокупно повергаясь к ногам вашим, с истинным высокопочитанием пребуду навсегда ваш нижайший слуга Ефрем Гусин.

*Арзамас.
1-го апреля 1817 г.*

Книжка 2. (1813–1855)

Остафьево, 5 августа 1813 г. Княжнин и Фон-Визин хотя и уважали друг друга, позволяли себе, однако же, шутить иногда один насчет другого. «Когда же вырастет твой Рослав? – спросил Фон-Визин однажды. – Он все говорит я *росс*, я *росс*, а все-таки он очень мал». – «Мой Рослав вырастет, – отвечал Княжнин, – когда вашего *Бригадира* пожалуют в генералы».

* * *

Многие не признают в Вольтере лирического дарования: но ода его на смерть императора Карла VI служит, мне кажется, убедительным опровержением сего несправедливого мнения.

Il tombe pour jamais, ce cedre, dont la tete
Defia si longtemps les vents et la tempeste,
Et dont les grands rameaux ombrageaient tant d'etats

(Он пал навсегда, этот кедр,
Глава которого так долго противостояла ветрам и буре
И чьи большие ветви бросали тень на столько государств...)

И выражение, и самый механизм стихов означают лирика. По мне, в сей оде гораздо больше лирической поэзии, чем в оде Руссо *К Фортуне* и во всех торжественных одах Ломоносова.

* * *

Херасков в одном из примечаний к поэме *Пилигримы* говорит: «Брут, дерзкая трагедия Вольтера». Его трагедии не имели этой дерзости.

* * *

Озеров за первые свои успехи на театре должен был заплатить терпением и твердостью. Эдип, Фингал, Димитрий навлекали ему постоянно новых врагов. Поликсена вооружила всю сволочь на него, и он был принужден укрыться в Казань от своих бешеных зоилов. Он может сказать с Вольтером: «Si j'i fais encore une tragedie ou mirai je». (Если я напишу еще трагедию, куда мне бежать?)

* * *

– Знаете ли вы Вяземского? – спросил кто-то у графа Головина.

– Знаю! Он одевается странно. – Поди после гонись за славой! Будь питомцем Карамзина, другом Жуковского и других ему подобных, пиши стихи, из которых некоторые, по словам Жуковского, могут называться образцовыми, а тебя будут знать в обществе по какому-нибудь пестрому жилету или широким панталонам!

– Но это Головин, – скажете вы.

– Хорошо! Но, по несчастью, общество кишит Головинами.

* * *

Язык нашей Библии есть сербский диалект IX века. У них и до сей поры говорится: *хлад, град, глад*.

* * *

У нас прежде говорилось: *воевать неприятеля, воевать землю, воевать город*; воевать кого, а не с кем. Принятое ныне выражение двоемысленно. Воевать с пруссаками может значить вести войну против них, и с ними заодно против другого народа. Желательно было бы, чтобы изгнанное выражение получило снова право гражданства на нашем языке.

Сколько еще подобных выражений, слов значительных, живописных, оторванных от нашего языка не прихотливым, своенравным употреблением, но просто слепым невежеством. Мы не знаем своего языка, пишем наобум и не можем опереться ни на какие столбы. Наш язык не приведен в систему, руды его не открыты, дорога к ним не прочищена. Не всякий имеет средство рыться в летописях, единственном хранилище богатства нашего языка, не всякий одарен потребным терпением и сметливостью, чтобы отыскать в них то, что могло бы точно дополнить и украсить наш язык.

Богатство языка не состоит в одном богатстве слов. Шихматов, употребив несколько дюжин или вовсе новых, или не употребляемых слов в своей лирической поэме, не обогатил нимало *казны* нашего языка. Бедняк нуждается хлебом, а скупец дает ему лед, оставшийся у него в погребе. Мне кажется, что Николай Михайлович, познакомивший нас со славою предков, должен был бы, оставя на время блестящее свое поприще для поприща тернистого и скучного, но не менее полезного согражданам, утвердить наш язык на незыблемых столбах не одним практическим упражнением, но теоретическим занятием. Критически исследовав деяния предков, исследовал бы он критически и язык их. Светильник истории осветил бы ему и мрак словесности и, озаряя нас двойным сиянием, рассеял бы он ночь невежества, в которой бродим мы по отечественной земле, нам незнакомой.

* * *

В женщинах мы видим торжество *силы слабостей*. Женщины правят, господствуют нами, но чем? Слабостями своими, которые нас привлекают и очаровывают. Они напоминают ваяние, представляющее Амура верхом на льве. Дитя обуздывает царя зверей.

* * *

«Прекрасный критик, – говорит Вольтер, – должен был бы быть художником, обладающим большими знаниями и вкусом, без предрассудков и без зависти. Такого критика трудно найти». О критике такого человека нельзя бы сказать:

La critique est aisee et l'art est difficile. (Критика легка – искусство трудно.)

* * *

Война 1812 года была так обильна спасителями Москвы, Петербурга, России, что истинному спасителю пришлось сказать: *Parmi tant de sauveurs, je n'ose me nommer.* (Не позволю присоединить к ним и свое имя.)

* * *

Туманский, издатель *Зеркала света* и *Лекарства от скуки и забот*, с товарищем своим Богдановичем (Богданович этот не был дядя *Душеньки* и вовсе не родня поэту) заспорили однажды в ученом припадке о слове *починить*, т. е. исправить. Туманский говорил, что надо писать *подчинить*. Богданович осмеливался уверять его, что пишется *починить*. Прибегли к третьему лицу, решившему их ученое прение.

Этот Туманский был после цензором и входил в доносы на Карамзина.

* * *

Дмитриев, жалуясь на Пименова (переводчика Ларошфуко и последнего питомца князя Б.Голицина), который посещал его довольно усердно – сидит два часа и ни слова не промолвит, – говорил, что он приходит держать его под караулом. Лебрэн о парижских Пименовых сказал:

O! la maudite compagnie
Que celle de certains focheux
Dont la nullite vous ennuie:
On n'est pas seul, on n'est pas deux.

(О, будь проклято общество несносных людей, ничтожество которых вам досаждают: вы и не в одиночестве, и не вдвоем.)

* * *

Тончи, сей живописец-поэт, соединивший замысловатую игривость итальянского воображения со смелостью и откровенностью гения древних, хотел изобразить Ахилла невредимым, но однако же без всех принадлежностей его. Он на охоте: Харон толкует ему свойства разных трав; Ахилл слушает его, опершись локтем на острие стрелы. Конец стрелы дотрагивается его руки, но не уязвляет, не входит в тело.

* * *

Говоря о блестящих счастливицах, ныне окружающих государя, я сказал: от них несет ничтожеством.

* * *

Головы военной молодежи ошалели и в волнении. Это волнение – хмель от шампанского, выпитого на месте в 1814 году. Европейцы возвратились из Америки со славой и болезнью заразной. Едва ли не то же случилось с нашей армией. Не принесла ли она домой из Франции болезнь нравственную, поистине *французскую болезнь*.

Эти будущие преобразователи образуются утром в манеже, а вечером на бале.

* * *

Апраксина называет нынешних генерал-адъютантов военными камергерами, а флигель-адъютантов – военными камер-юнкерами царского двора.

* * *

Волконский – Перекусихина нашего времени: он пробует годных в флигель-адъютанты.

* * *

Желтый Карла может научить шутить забавно: наша молодежь учится по нему тайнам государственных наук. Это *Кормчая книга* наших будущих преобразователей.

* * *

Куракина собиралась за границу.

– Как она не вовремя начинает путешествие, – сказал Растопчин.

– Отчего же? Европа теперь так истощена.

* * *

Карамзин говорит, что в наше время промышляют текстами из Священного Писания. Он же говорит, что те, которые у нас более прочих вопиют против самодержавия, носят его в крови и в лимфе.

* * *

Свободные мысли бывают у многих последним усилием и последним промыслом рабства и лести. Смотри *Северную Пчелу*.

Дмитриев так переводит стих Вольтера *Nous avoms les ramparts, nous avoms Ramponeau* – У нас есть вал тверской, у нас есть и Валуев.

* * *

Кажется, Полетика сказал: в России от дурных мер, принимаемых правительством, есть спасение: дурное исполнение.

* * *

Как странна наша участь. Русский силился сделать из нас немцев, немка хотела переделать нас в русских.

* * *

Общее и разница между Москвой и Петербургом в следующем: здесь умничает глупость, там ум вынужден иногда дурачиться – под стать другим.

* * *

Фома Корнелий терял от брата Петра: от его имени ожидали совершенно великого. Глинка – русский офицер обязан брату, *Русскому Вестнику*, от его имени ожидали совершенно пошлого, и ожидание не вовсе оправдано.

* * *

Алкивиад отрубил хвост у своей собаки, чтобы дать пищу толкам черни и отвлечь ее внимание от настоящих его занятий. Поступки и слова Суворова, которые он пускал по городу, были его собака без хвоста. Нет ли больше хвастовства, чем ума, в этой поддельной жизни некоторых умных людей? К чему уловки хитрости Геркулесу, вооруженному палицей? Постоянная мысль – все побеждающая палица умственного силача.

* * *

Суворов говаривал: тот уже не хитрый, о котором все говорят, что он хитер.

* * *

Тот, который из тщеславия выказывает свою хитрость, похож на человека искусно замаскированного, но из хвастовства показавшего себя без маски, и опять ее надевающего с надеждой обманывать.

* * *

В свете часто скрытность называют хитростью. Разве можно назвать молчаливого лжецом, потому что он правды не говорит?

* * *

Дмитриев говорит, что с той поры, как у нас духовные писатели стараются подражать светским, светские просят в духовные.

* * *

Кажется, Шамфор говорил Рюльеру: дай срок, и мы ни одного слова невинным в языке не оставим. У нас Попов говорит князю Голицыну: дайте срок, ваше сиятельство, и мы ни одного текста живым не оставим.

* * *

Не довольно иметь хорошее ружье, порох и свинец: нужно еще искусство стрелять и метко попадать в цель. Не довольно автору иметь ум, мысли и сведения, нужно еще искусство писать. Писатель без слога – стрелок, не попадающий в цель. Сколько умных людей, которых ум вместе с пером притупляется. Живой ум на бумаге становится иногда вялым, веселый – скучным, едкий – приторным.

* * *

Мольер писал портреты мастерской кистью; о целых картинах его нельзя того сказать.

* * *

Хитрость – ум мелких умов. Лев сокрушает; лисица хитрит.

* * *

Линде полагает весьма вероятную причину единству сходства, заметному во всех именах дней недели на всех языках славянского племени и, напротив, разнообразию и смешению в именах месяцев. Первые не зависят от климата и могли остаться как были. Вторые по рассеянию славянских народов должны были соображаться у каждого из них с климатом той страны, на которой они поселились.

* * *

При Павле, тогда еще великом князе, толковали много о женевских возмущениях. «Да перестаньте, – сказал он, – говорить о буре в стакане воды». Павел мерил на свой аршин.

* * *

Иные люди хороши на *одно время*, как календарь на такой-то год: переживши свой срок, переживают они и свое назначение. К ним можно после заглядывать для справок; но если вы будете руководствоваться ими, то вам придется праздновать Пасху в страстную пятницу.

* * *

По первому взгляду на рабство в России говорю: оно уродливо. Это нарост на теле государства. Теперь дело лекарей решить: как истребить его? Свести ли медленными, но беспрестанно действующими средствами? Срезать ли его разом? Созовите совет лекарей: пусть пере-

толкуют они о способах, взвешают последствия и тогда решитесь на что-нибудь. Теперь, что вы делаете? Вы сознаетесь, что это нарост, пальцем указываете на него и только что дразните больного тогда, когда должно и можно его лечить.

* * *

Законодатель французского Парнаса и, следственно, почти всего европейского сказал: Un sonnet sans defect vaut seut un long poeme. (Безупречный сонет стоит целой поэмы.)

Теперь и в школах уже не пишут сонетов. Слава их пала вместе с французскими кафтанам. Условная красота имеет только временную цену. Хороший стих в сонете перейдет и к потомству хорошим стихом; но сонет, как ни будь правилен, оставлен без уважения.

Сколько в людях встречалось *сонетов!* Острое слово, сказанное остряком, не состарилось, но сам остряк пережил себя и не имеет уже почетного места в обществе.

* * *

Увядаящая красавица перед цветущей не так смешна, как старый остряк перед новым. Мне сказывали, что в Берлине, во время эмиграции, Ривароль так заметал в обществе старика Буфлера, что тот слова не мог высказать при нем. Батюшков говорит о Хвостове Александре: он пятьдесят лет тому назад сочинил книгу ума своего и все еще по ней читает.

* * *

«Не завидуйте времени», – сказал Неккер в речи своей при открытии генеральных штатов.

* * *

... Возьмите слово *добродетель*; оно мнимый знак той мысли, которую обязано выразить. *Добродетели* должно бы иметь равное значение со словом *благодетель*. Одно время определяет, почитать ли слово фальшивой ассигнацией или государственной. Разумеется, что есть люди, предопределяющие определение времени. Пример их – право для современников и закон для потомства.

* * *

Вот доказательство истины замечания моего на слово *добродетель*. Сын Константина Павловича в чтениях своих сбивается в его смысле и всегда принимает в значении *добротого человека*, потому что слова *благодетель*, *содетель*, *свидетель* ему, вероятно, прежде стали известны.

* * *

Татищев в своем словаре 1816 года говорит: Cartesianisme: Картезианизм учение *Картезия*, его философия. Зачем не Декарта?

* * *

Тут же *folliculaire*: издатель периодических сочинений, журналов, газет; *страждущий желчью*. Откуда он это взял? Разве с Каченовского.

* * *

Везде обнаруживается *какая-то* филантропия, говорил Карамзин в статье: *О верном способе*. Если хотел бы с умыслом сказать на смех, то лучше нельзя.

Теперь везде обнаруживается *какая-то* набожность и *какая-то* свободномысленность.

* * *

Мы видим много книг: *нового издания, исправленного и дополненного*. Увидим ли когда-нибудь *издание исправленное и убавленное*. Такое объявление книгопродавцев было бы вывеской успехов просвещения читателей.

Галиани пишет: «Чем более стареюсь, тем более нахожу что убавить в книге, а не что прибавить. Книгопродавцам расчет этот не выгоден; они требуют изданий дополненных, и глупцы (потому что одни глупцы наперехват раскупают книги) того же требуют».

* * *

«Вы говорите о падении государств? Что это значит? Государств не бывает ни наверху, ни на низу, и не падают; они меняются в лице (*ils changent de physionomie*); но толкуют о падениях, о разрушениях, и эти слова заключают всю игру обманчивости и заблуждений.

Сказать: фазы государств (изменений) – было бы справедливее. Человеческий род вечен, как луна, но показывает иногда нам то одну сторону, то другую, потому что мы не так стоим, чтобы видеть его в полноте. Есть государства, которые красивы в ущербе, как французское государство; есть, которые будут хороши только в истлении, как турецкое; есть, которые сияют только в первой четверти, как иезуитское. Одно государство Папское и было прекрасно в свое полнолуние». (Галиани к г-же д'Эпине.)

* * *

«О достоинстве человека его век один имеет право судить, но век имеет право судить другой век. Если Вольтер судит человека Корнеля, то он нелепо завистлив; если он судил век Корнеля и степень тогдашнего драматического искусства, то мог он; и наш век имеет право рассмотреть вкус предыдущих веков.

Я никогда не читал примечаний Вольтера и Корнеля, хотя они на парижских каминах торчали у меня в глазах, когда вышли. Но мне раза два приходилось, в забывчивости, раскрывать книгу, и каждый раз бросал я ее с негодованием, потому что попадал на грамматические примечания, уведомляющие меня, что такое-то слово или выражение Корнеля не по-французски.

Также глупо было бы уверять меня, что Цицерон и Вергилий, хотя итальянцы, не так чисто писали по-итальянски, как Боккачио и Ариост. Какое дурачество! Каждый век и каждая земля имеют свой живой язык, и все равно хороши. Каждый пишет на своем.

Мы не знаем, что поделается с французским, когда он будет мертвым; но легко случиться может, что потомство вздумает писать по-французски слогом Монтеня и Корнеля, а не слогом Вольтера. Мудреного бы тут ничего не было. По-латыни пишут по слогу Плавта, Теренция и Лукреция, а не по слогу Пруденция, Сидония Аполинария, и проч., хотя, без сомнения, римляне были в IV веке более сведущи в науках астрономии, геометрии, медицине, литературе, чем во времена Теренция и Лукреция. Это зависит от вкуса; а мы не можем предвидеть вкусы потомства, если при том будет у нас потомство и не вмешается всеобщий потоп». (Галиани к г-же д'Эпине.)

* * *

«В Париже философы растут на открытом воздухе, в Стокгольме, в Петербурге – в теплицах, а в Неаполе возвращают их под навозом: климат им неблагоприятен». (Галиани к г-же д'Эпине.)

* * *

Не благотворите полякам на деле, а витийствуйте им о благотворении. Они так дорожат честью слыть благородными и доблестными, что от слов о доблести и мужестве ползут на стену...

И добродетели-то их все театральные! Оно не порок и показывает по крайней мере если не твердые правила, то хорошее направление. Робость, которая платит дань почтения мужеству, порок, который признает достоинство добродетели...

Наполеон совершенно по ним. Они всегда променяют солнце на фейерверк. Речь, читанная государем на сейме, дороже им всех его благодеяний. Бей их дома как хочешь, только при гостях будь с ними учтив. Нельзя сказать, что они *словолюбивы*, а *успехолюбивы*. Им не в том, чтобы дома быть счастливыми, а в том, чтобы блеснуть пред Европой. Политические Дон-Кихоты.

* * *

Величайшим лирическим поэтом и лучшим полководцем у греков были беоциане, а однако же обвиняли этот народ в глупости! Оттого ли, что не умели оценить сих двух великих мужей? (Мюллер. «Всеобщая история».)

* * *

Пугливые невежды – счастливое выражение Ломоносова (Петр Великий).

Подвигнуты хвалою, исполнены надежды,
Которой лишены пугливые невежды.

* * *

«Раздавая места, они меньше заботились об интересах государства, чем о потребностях просителя». Можно подумать, что Мюллер не о персидской монархии говорит, а о нас. Сколько у нас мест для людей, и как мало людей на месте.

* * *

«Было волнение, но не было беспорядка, и обычное брожение свидетельствовало только о жизни политического тела» (Мюллер).

* * *

Quiris – дротик Сабинов, употребляемый после римлянами и доставивший им название квиритов (Muller).

* * *

Не употребляйте никогда нового слова, если нет в нем сих трех слов: быть нужным, понятным и звучным. Новые понятия, особенно же в физике, требуют новых выражений. Но заместить слово обычное другим, имеющим только цену новизны, не значит язык обогащать, а портить (Вольтер).

* * *

«Излишнее подражание гасит гений» (Вольтер).

* * *

Иные думают, что кардинал Мазарини умер, другие, что он жив, а я ни тому, ни другому не верю.

* * *

Вместо того, чтобы уничтожать страсти, стоикам надлежало бы управлять ими. Преподавая учение, слишком недоступное для людей обыкновенных, стоическая нравственность образовала лицемерие и возбудила сомнение в возможности достичь до столь высокой добродетели. Метафизика сих философов была слишком холодна; они разливали большой свет на нравственные истины, но не умели запалить чистый пламень, который пожирает зародыш пороков. Учение стоиков, оковывая страсти молчанием, без сомнения утверждало владычество рассудка; но оно не могло приверженцам своим внушить силу души, которая приводит в действие, и гибкость, приучающую подаваться обстоятельствам; и варвары, завоевавшие Италию, нашли в ней людей, или ослабленных крайностью безнравственности, или граждан честных, но бес- сильных и не смелых (Muller).

* * *

Юлий Кесарь говорил о неприятеле своем Цицероне, что «расширить пределы человеческого ума – славнее, чем расширить пределы владений тленного».

* * *

«Будь счастлив как Август и добродетелен как Троян» – было в продолжении двух веков обыкновенное императорам приветствие от сената.

* * *

Один умный человек говорил, что в России честному человеку жить нельзя, пока не уничтожат следующих приговорок: «Без вины виноват», «Казенное на воде не тонет и в огне не горит», «Все Божие да Государево».

* * *

«Близ царя, близ смерти». Честь царю, если сия пословица родилась на войне! Горе, если в мирное время!

* * *

Ум любит простор, а не цензуру.

* * *

О девице NN говорят на всякий случай, что она замужем.

* * *

Какие трудности представились Екатерине II при вступлении ее на престол по крутой кончине Петра III! Как она долго колыхалась! Малейшее дуновение могло ее повалить. Она искренне и крепко оперлась на народ, и с той поры все грозы были бы против нее бессильны. Ее престол, поддерживаемый миллионами людей, убежденных в выгоде его поддержать, должен был быть неколебим и независим. Вот что княгиня Дашкова, ее приятельница, называла довольно забавно: «обрезать помочи настоящим ножом».

* * *

Август, будучи в Египте, велел раскрыть гробницу Александра. Его спросили, не хочет ли он раскрыть и гробницы Птолomeев. «Нет! – отвечал он, – я хотел видеть царя, а не мертвецов!»

* * *

Сытый Сганарель думал, что вся его семья пообедала.

* * *

Феопомпий, Спартанский царь, первый присоединил эфоров к отправлению государствения; испуганное его семейство, говорит Аристотель, укоряло его в ослаблении могущества, предоставленного ему предками. «Нет! – отвечал он, – я передам его еще в большей силе преемникам, потому что оно будет надежнее».

* * *

Цари не злее других людей. Доказательство тому, что обыкновенно обижают они тех, которых не видят, чтобы угодить тем, которых видят. Несчастье в том, что ими видимые составляют малое количество, а невидимые толпу. Перенесите положение, и последствие будет иное. Царь посреди своего двора: он благодетельствует двору в ущерб народу. Поставьте его посреди народа, он будет покровительствовать народу, но не двору («Minerve Francaise» Бенжамена-Констана).

Беклешов толковал таким образом происхождение слова: *таможня – там можно*.

* * *

Французская острота шутит словами и блещет удачным прибором слов. Русская – удачным приведением противоречащих положений. Французы шутят для уха, русские для глаз. Почти каждую русскую шутку можно переложить в карикатуру. Наши шутки все в лицах.

Русский народ решительно насмешлив. Послушайте разговор передней, сеней: всегда есть один балагур, который цыганит других. При разъезде в каком-нибудь собрании горе тому, коего название подается на какое-нибудь применение. Сто голосов в запуски перекрестят его по-своему. Прислушайтесь в ареопаге важных наших сенаторов и бригадиров: они говорят о бостоне или о летах, и всегда достается несколько шуток на долю старшего или проигравшего; шуток не весьма ценных, но доказывающих, по крайней мере, что шутка – ходячая монета у этих постных лиц, кажется, совсем не поместительных для улыбки веселости. Острословие крестьян иногда изумляет. Менее и хуже всех шутят наши комики.

* * *

Разговорные прения в гостиницах, за круглым столом, в толпе слушателей нетерпеливых не выслушать, а перебить вас, *сказать свое мнение*, где часто поборник ваш не только вас не слушает, но и не слышит... Вы пускаетесь не так, как в дорогу, чтобы от одного места дойти до другого, но как в прогулку. Дело не в том, чтобы дойти до назначенного места, а в том, чтобы ходить, дышать свежим воздухом, срывать мимоходом цветы. На бумаге ставишь межвые столбы, они свидетельствуют о том, что вы тут уже были, и ведут далее. В разговоре иль по прихоти, или с запальчивости переставляешь с места на место и оттого часто по долгом движении очутишься в двух шагах от точки, с какой пошел, а иногда и в ста шагах за точкой.

* * *

Бенжамена укоряли в непостоянстве политического поведения. Он оправдывался. «Правда, – отвечал он, подумавши, – я слишком круто поворотил. J'ai tourme trop court».

Впрочем, можно изменять людям и правительствам, по читая их за орудия, и не изменять своим правилам. Если все государственные люди шли бы по следам Катона, то во многих случаях общественные дела сделались бы добычей одних бездельников. «С большей гибкостью, – говорил Мюллер, – он был бы отечеству полезнее, но хартиям истории недоставало бы характера Катона». Мы должны служить не тому и не другому, но той нравственной силе, коей тот или другой представителем. Я меняю кафтан, а не лицо. И если Бенжамен переносил свои мнения от двора Наполеона к двору Людовика и обратно, то может избежать он осуждения; но дело в том, чтобы переносил мнения, а не слова. Передаваться часто и их видом собственной корысти есть признак... [Недостает конца записи.]

* * *

Г-жа Сталь, говоря о поляках, сказала: «В них есть блеск, но ничего нет основательного. Я их скоро доканчиваю. Мне нужно по крайней мере двух или трех поляков на неделю». (Je les acheve vite; il m'en faut au moins deux ou trios per semaine.)

* * *

Стихи *Храповицкому* (Державина)... отличаются благородным чистосердечием, а два стиха:

Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить

одни стоят ста звучных стихов.

Державина стихотворения, точно как Горациевы, могут при случае заменить записки его века. Ничто не ускользнуло от его поэтического глаза.

* * *

Как герой полубарских затей имел своих арапов, так Польша имеет своих великих мужей. Поляки создали себе свою феогонию и жертвуют кумирам своих рук. Народу должно иметь своих героев. На них основывается любовь к отечеству.

Последним их краеугольным камнем был князь Понятовский, великий человек доморощенный.

* * *

Власть по самому существу своему имеет главным свойством упругость. Будь она уступчива, она перестает быть властью. Как же требовать, чтобы те, кои, так сказать, срослись с властью, легко подавались на изменения. Их, или им самим себя нужно переломить, чтобы выдать что-нибудь.

* * *

Граф Кобенцель накануне отъезда своего был так снисходителен, что согласился еще раз позабавить общество, маскировавшись курицей, которая защищает цыплят своих от нападений, угрожающих ее невинной семье!

* * *

Признаться, теперь не найдешь запаса такой веселости ни в министре, ни в царе. События остепенили умы: правителям труднее, но народам легче.

* * *

Душа республиканского правления – добродетель, монархического – честь, деспотического – страх. Светозарное разделение Монтескье. Здесь глубокомыслие кроется под остроумием. Сначала пленишься им, а после убедишься.

* * *

После ночи св. Варфоломея Карл IX писал ко всем губернаторам, приказывая им умертвить гугенотов.

Виконт Дорт, командовавший в Байоне, отвечал королю: «Государь, я нашел в жителях и войсках честных граждан и храбрых воинов, но не нашел ни одного палача; итак, они и я просим ваше величество употребить руки и жизни наши на дела возможные».

* * *

О Петрове можно сказать почти то же, что Квинтилиан говорил о Лукане: *Magis oratoribus quam poetis enumerandus* – Более оратор, нежели первоклассный поэт.

* * *

Боссюэт в первых своих проповедях был далек от Боссюэта в словах надгробных. В одном месте он говорит: Да здравствует Вечный (*vive l'Eternel*)! Детей называет постоянным рекрутским набором человеческого рода (*la recrue continuelle du genre humain*).

* * *

Если бы мнение, что басня есть *уловка рабства*, еще не существовало, то у нас должно бы оно родиться. Недаром сочнейшая отрасль нашей словесности – басни. Ум прокрадывается в них мимо цензуры. Хемницер, Дмитриев и Крылов часто кололи истиной не в бровь.

* * *

Что кинуло наше драматическое искусство на узкую дорогу французов? Худые трагедии Сумарокова. Будь он подражателем Шекспира, мы усовершенствовали бы его худые подражания англичанам, как ныне усовершенствовали его бледные подражания французам. Как судьба любит уполномочивать первенцев во всех родах. Не только пример их увлекает современников, но и самое потомство долго еще опомниться не может и следует за ними *слепо*.

* * *

Смелые путешественники сперва открывают землю, а после наблюдательные географы по сим открытиям издают о ней географические карты и положительные описания. Смелые поэты, смелые прозаики! Откройте все богатства русского языка: по вас придут грамматики и соберут путевые записки и правила для указания будущим путешественникам, странствующим по земле знакомой и образованной.

* * *

Людовик XVIII может сказать, как Валуа в Генриаде: Et quiconque me venge est Francois a mes yeux – Вся мстящий за меня, в душе моей француз.

* * *

Монморен, губернатор Оверни, писал к Карлу IX: «Государь, я получил за печатью вашего величества повеление умертвить всех протестантов, в области моей находящихся. Я слишком почитаю ваше величество, чтобы не подумать, что письма сии подделаны; и если, отчего Боже сохрани, повеление точно вами предписано, я также слишком вас почитаю, чтобы вам повиноваться».

* * *

Какой несчастный дар природы ум, восклицает Вольтер, говоря о исполинских красотах Гомера, если он препятствовал Ламоту их постигнуть, и если от него сей остроумный академик почел, что несколько антитез, оборотов искусных, могут заменить сии великие черты красноречия. Ламот исправил Гомера от многих пороков, но не уберег ни одной его красоты: он превратил в маленький скелет тело непомерное и чересчур дородное.

* * *

В Паскале, говорит Вольтер, находишь мнение, что нет поэтической красоты, что за неимением ее изобрели пышные слова, как: *бедственный лавр, прекрасное светило*, и что их-то и называют поэтической красотой. Что заключить из такого мнения, как то, что автор говорил о том, чего не понимал.

Чтобы судить о поэтах, нужно уметь чувствовать, нужно родиться с несколькими искрами того пламени, который согревает тех, кого мы знать хотим; равно как и для того, чтобы судить о музыке, не только мало того, но и вовсе недостаточно уметь математика рассчитывать соразмерность тонов, если притом не имеешь ни уха, ни души.

* * *

Вольтер говорит о Трисине: он идет, опираясь на Гомера, и падает, следуя за ним, срывает цветы греческого поэта, но они увядают от руки подражателя.

* * *

Среди всех наций наша – наименее *поэтична*. Вольтеру можно поверить, если и без него убеждение внутреннее не сказало того же всем тем, кои знакомы немного со свойствами поэзии, понятными чувству, но не поддающимися истолкованию правил и пиитики.

* * *

Сии примеры (т. е. Дебрео и Расин), говорит Вольтер, отчасти приучили французскую поэзию к ходу чересчур однообразному; дух геометрический, завладевший в наши дни изящною словесностью, сделался еще новой уздой для поэзии. Наш народ, порицаемый за ветренность иностранцами, судящими нас по нашим щеголям, есть рассудительнейший из всех с пером в руке. Метода – отличительнейшее свойство наших писателей.

* * *

Если родился бы я царем, я желал бы иметь сверхъестественное средство сделать всякое преступление в царствовании моем невозможным. Что же за жестокий и мелкий был бы расчет, имея это средство, дать каждому подданному волю, чтобы после в день суда отличать неповинных от виновных.

* * *

Мумия одного из потомков Сезостриса уже несколько веков содержалась во внутренней зале большой пирамиды; она была облечена всеми царскими достоинствами и занимала место на престоле, где сидели его предки. Когда Мемфисские жрецы захотели явить ее народу на поклонение, она в прах рассыпалась; она уже не была в отношении с атмосферой и теплотой солнца.

* * *

Чтобы подтвердить мнение, что иностранцу редко можно судить безошибочно об отделке писателя, признаюсь, что я не догадался бы о несравненном превосходстве Лафонтена, когда не прокричали бы мне уши о том. Я крепко верю, что он для французов *неподражаем*, потому что все французы твердят это в один голос, а кому же знать о том, как не им? Но и без единодушного определения понял бы я достоинство лирика Руссо, ясность, рассудительность, точность Дебрео, пленительную сладость Расина, мужество Корнелия, остроту Пирона. Дайте Державина имеющему только книжное познание в русском языке, и он не поймет, отчего мы красоты его почитаем неподражаемыми.

* * *

Не дай Бог, чтобы все словесности имели один язык, одно выражение: оно будет тогда вернейшим свидетельством, что посредственность стерла все отличительные черты. В обществе встречаешь пошлые лица, которые все на одно лицо. Образ гения может иметь черты, сходные с другим, но выражение их открывает прозорливому взору физиономию совсем отменную.

* * *

4-го августа 1819 г.

Иные мгновенные впечатления не только живее, но и полнее долговременных размышлений. Я вчера ехал один из шумной Багатели через уединенную, сумрачную рошу Лазенки. Сей одинокий, неосвещенный замок, сие опустение в резкой картине явили мне судьбу сей разжалованной земли, сего разжалованного народа.

Я часто размышлял об участи Польши, но злополучия ее всегда говорили уму моему языком политической необходимости. Тут в первый раз Польша сказала мне голосом поэзии. Я ужаснулся! И готов был воскликнуть: «Государь, восставь Польшу! Ты поступишь в смысле природы, если душа твоя встревожена была ощущением, подобным моему! Но если слепое самолюбие ставит тебя на степень восстановителя народа, оставь это дело. Ты не совершишь его во благо. Человеческое несовершенство проглянет в сем подвиге божественном, и ты вынесешь с поприща своего негодование России и открытый лист на осуждение потомства».

* * *

В одном письме к г-же Неккер Томас говорил о строгом суждении парижан о царе Леаре в трагедии Дюсиса:

«Деспотический приговор сих преподавателей вкуса сходствует немало с государственными постановлениями некоторых государей, кои, чтобы покровительствовать скудным заведениям отечественным, преграждают привоз изделий богатых мануфактур чуждого народа. Негодующие бедняки издают законы против богатств, коих у них нет, и гордятся потом экономической своей нищетой.

Иные говорят, что такие трагедии хороши только для народа. Мне кажется, что никогда гордость так унижена не была, как сим различием: ибо с одной стороны ставят нравственность и чувство; с другой – критику и вкус; сим последним отдается преимущество. Ничто, может быть, так хорошо не доказывает, что у просвещенных народов некоторый вкус усовершенствовался почти всегда в ущерб нравственности. Может быть, чем народ развращеннее, тем вкус его чище».

* * *

Суворов писал к адмиралу Рибасу: «Непобедимый Дориа! Для Вашего превосходительства настало время взять в плен преемника Барбароссы».

Преданнейший слуга
Ал. Суворов».

Он писал к человеку, которого подозревал в том, что он худо о нем говорил и обманывал его дружбу: «Я не знаю ваших несовершенств, но знаю ваши хорошие качества: сущность сношений, истина приличий, вот дружба (*realite de rapports, verite de convenance, c'est l'amitie*)».

* * *

Что такое за страсть, если она не страдание? Недаром говорят по-французски: *la passion de notre Seigneur*, а по-русски: страдания Господни. Любовь должно пить в источнике бурном: в чистом она становится усыпительным напитком сердца. Счастье тот же сон.

* * *

Запоздалые в ругательствах, коими обременяют они Вольтера, называют его зачинщиком французской революции. Когда и так было бы, что худого в этой революции? Доктора указали антонов огонь. Больной отдан в руки неискусному оператору. Чем виноват доктор?

Писатель не есть правитель. Он наводит на прямую дорогу, а не предводительствует...

* * *

Шамфор людей дурачит, Ларошфуко их унижает, Вольтер исправляет их.

* * *

Жуковский похитил творческий пламень, но творение не свидетельствует еще земле о похищении с небес. Мы, посвященные, чувствуем в руке его творческую силу. Толпа чувствует глазами и убеждается осязанием. Для нее надобно поставить на ноги и пустить в ход исполина, тогда она поклоняется. К тому же искра в действии выносится обширным пламенем до небес и освещает окрестности.

Я не понимаю, как можно в нем не признавать величайшего поэтического дарования или мерить его у нас клейменным аршином. Ни форма его понятий и чувствований и самого языка не отлиты по другим нашим образцам. Пожалуй, говори, что он дурен, но не сравнивай же его с другими, или молчи, потому что ты не знаешь, что такое есть поэзия. Ты сбиваешься, ты слышал об одном стихотворстве. Ты поэзию разделяешь на шестистопные, пятистопные и так далее. Я тебе не мешаю: пожалуй, можно ценить стихи и на вес. Только сделай милость при мне не говори: поэзия, а – *стихотворство*.

* * *

Невежество не столь далеко от истины, как предрассудок (Дидерот).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.